

М.Е. Салтыков-Щедрин

Недоконченные беседы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С16

Салтыков-Щедрин М.Е.
С16 Недоконченные беседы / М.Е. Салтыков-Щедрин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-4241-2001-5

Михаил Ефграфович Салтыков-Щедрин, гениальный художник и мыслитель, блестящий публицист и литературный критик, талантливый журналист, был одним из самых ярких деятелей русского освободительного движения.

Его дар - явление редчайшее. трудно представить себе классическую русскую литературу без Салтыкова-Щедрина.

ISBN 978-5-4241-2001-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М.Е. Салтыков-Щедрин, 2021

Приятель мой Глумов — человек очень добрый, но в то же время до крайности мрачный. Ни одной веселой мысли у него никогда не бывает, ни одного так называемого упования. Еще будучи в школе, он не питал ни малейшего доверия ни к профессорам, ни к воспитателям. По выходе из школы он перенес тот же безнадежный взгляд и на более обширную сферу жизни. Самое отрадное явление жизни, от которого все публицисты приходят в умиление, он умеет ощипать и сократить до таких размеров, что в результате оказывается или выеденное яйцо, или пакость. На самые светлые чаяния он в одно мгновение ока набрасывает такой сермяжный мундир, что просто хоть не уповай! Это до такой степени тяжело, что когда он приходит ко мне, человеку «упований», по преимуществу, то мне положительно становится не по себе.

И не то чтобы Глумов был обойден судьбою, был беден или по службе терпел неудачи — нет, в этом отношении он устроился очень удовлетворительно. А просто ропщет — и все тут. Придет, сядет, задумается, обопрется головой об руку и начнет через час по ложке задавать самые неожиданные, можно сказать, даже щекотливые вопросы. Куда девалось наше молодое поколение? Отчего в настоящее время люди так охотно лишают себя жизни? Отчего у нас нет критики? Правда ли, что на днях должно последовать, в административном порядке, окончательное решение женского вопроса? Правда ли, что в газете «Чего изволите?» готовится ряд статей об учреждении единой и нераздельной железнодорожной станции? и т. д. По всем этим вопросам он рассуждает пристрастно и озлобленно, и хотя я не раз пытался поворотить его на путь упований, но должен сознаться, что все мои усилия в этом смысле остались тщетными. Теперь я большую часть выслушиваю его молча и только в случае крайней необходимости играю роль актера, подающего реплику.

Но, несмотря на постоянно придирчивое настроение духа моего приятеля, я считаю его человеком в высшей степени для меня полезным. Мы оба воспитывались в одном и том же заведении, оба принадлежим к школе сороковых годов, но он пошел по пути озлобления, а я по пути упований. Что ж! если нам так нравится, то в этом еще большой беды нет. Для меня даже удобно, что мы идем разными дорогами, потому что, при моем беспечном характере, Глумов играет в моей жизни роль *memento mori*, возвращающего меня к чувству действительности. По-видимому, мое существование идет вполне благополучно, ибо я постоянно живу в сфере сладкой уверенности, что со временем все разъяснится. Вчера я был в Михайловском театре — видел «*La fille de m-me Angot*»;¹ сегодня иду в театр Буфф — увижу «*La fille de m-me Angot*»; завтра отправляюсь в Мариинский театр — и опять возобновляю в своей памяти «*La fille de m-me Angot*». Что может быть благополучнее этого не разнообразного, но зато совершенно верного благополучия! Нет у меня ни митингов, ни парламентов, зато есть «*La fille de m-me Angot*» в трех интерпретациях; а быть может — на милость образца нет! — будет и «*Timbale d'argent*».² Хожу я беспечно по солнечной стороне Невского проспекта и напеваю:

Pour qu'on admire tes appas,

Il faut que les miens ne se montrent pas!³ —

и вдруг, несмотря на полнейшее благополучие, чувствую, что мне чего-то хочется. Чего именно хочется — этого, по беспечности характера, я и сам с доверительностью определить не могу. Может быть, хочется парламента (с жиру какие фантазии не забредут в голову!); может быть, съесть чего-нибудь; может быть, опять послушать «La fille de m-me Angot» в четвертой интерпретации; может быть, забраться в какую-нибудь канцелярскую комиссию и там заснуть... Но заснуть...

...не тем холодным сном могилы,

а так, чтоб и день, и ночь надо мною заливались канцелярские соловьи...

И вот в эту-то тяжкую минуту недоумений, когда я от нечего делать готов осведомиться у первого встречного, на какой улице помещается наш парламент, со мною равняется мой озлобленный друг и озадачивает меня вопросом:

— Да скоро ли же, наконец, начнется печатание ряда статей о единой и нераздельной железнодорожной станции? Что они мямлят!

Услышавши этот вопрос, я вдруг возвращаюсь к чувству действительности и начинаю понимать, чего мне хочется. Да, говорю я себе, не нужно для моего благополучия ни парламентов, ни митингов, ни земских собраний! А нужно только, чтоб газета «Чего изволите?» каждый день неупустительно твердила мне, что Россия тогда только будет счастлива, когда вполне исчерпается вопрос о необходимости учреждения единой и нераздельной железнодорожной станции.

«Господи! — думаю я, — сколько разнообразнейших эпизодов заключает в себе этот, по-видимому, бросовый вопрос! у скольких читателей можно будет вымотать душу, если уменью развивать его и не торопясь доводить до пределов последней ясности!»

Так вот об этом-то приятеле я и намереваюсь от времени до времени беседовать, или, лучше сказать, не столько об нем самом, сколько о тех мрачных вопросах, которыми он имеет обыкновение возвращать меня к чувству действительности. Если обстоятельства позволят, я постепенно переберу большую часть занимавших нас вопросов, а чтоб не откладывать дела в долгий ящик, начинаю теперь же с одного из капитальнейших: куда девалось наше молодое поколение?

На днях приходит ко мне Глумов, как-то особенно мрачно настроенный. Садится, подпирает рукой голову, закуривает сигару и начинает исподволь рычать.

— Черт знает что делается! Отвратительно становится жить! — раздражается он наконец.

Я сижу как на иголках, в ожидании, что вот-вот он сейчас огорошит меня.

— Правда ли, — говорит он наконец, с трудом сдерживая свой гнев, — правда ли, что газета «Чего изволите?» предполагает в будущем году украшать столбцы полным переводом заграничных путеводителей Бедекера?

— Послушай, мой друг! отчего у тебя всегда такие унылые мысли?

— Гм... унылые! почему же ты называешь их унылыми?

— Потому что это, наконец, бог знает какой отчаянный скептицизм! Кто же когда-нибудь сомневался, что под тою или другой формой, а «Чего изволите?» непременно напечатает полный перевод всех «путеводителей» Бедекера!

— Так, стало быть, правда?

— Столь же истинно, как и то, что вслед за Бедекером предполагается перепечатать географию Ободовского со всеми выпусками, сделанными цензурою в первом ее издании!

Наступило несколько минут тягостнейшего молчания, в продолжение которого лицо моего друга делалось все мрачнее и мрачнее. Ясно было, что эффект, произведенный на меня вопросом о Бедекере, не удовлетворил его и что он обдумывает средства так меня огоршить, чтоб я, как говорится, не усидел, не устоял. Наконец идея созрела. Он поднялся с кресла и почти угрожающим тоном обратился ко мне:

— Ну, черт с ним, с Бедкером! Нет, ты мне вот что скажи: куда девалось наше молодое поколение?

Переход был так неожидан, что поначалу я не вдруг собрался с мыслями. Мне показалось, что я не в первый раз слышу этот вопрос, что и в моей голове когда-то мелькало нечто подобное. Но отчего же вопрос этот только мелькал и ни разу не нашел для себя ясной формулы? оттого ли, что мысль моя слишком робка и ленива для разработки подобных сюжетов, или оттого, что самый вопрос неоснователен и не имеет никаких корней в современной действительности?

Вскоре, однако ж, я оправился от смущения. Обратившись к своей памяти, я нашел в ней такую бесконечную вереницу молодых адвокатов, молодых земских деятелей, молодых бюрократов, молодых фельетонистов (они же, по нужде, и публицисты), что подозрительность моего друга-мизантропа показалась мне просто смешным парадоксом.

— А наши адвокаты? — начал я, — надеюсь, что ты не будешь отрицать...

— Адвокаты, ты говоришь? Но разве их можно называть представителями, а тем более руководителями интеллигенции? Люди, которые занимаются отниманием чужой собственности! разве это свойственное «молодому поколению» занятие? разве это занятие вообще?

— Позволь! ты сказал: люди, занимающиеся отниманием чужой собственности! По-моему, это не совсем верно. Есть, конечно, адвокаты, которые свою деятельность посвящают преимущественно отниманию, но я уверен, что есть многие, которые занимаются не отниманием, а только возвращением собственности от незаконного владельца к законному!

— Во-первых, разграничить это очень трудно, если не невозможно. Адвокат не исповедник, и самый честный из них не может поручиться, что ему известна интимная сторона дела, а между тем она-то, собственно говоря, и составляет настоящую суть. Поэтому ни ты, ни он не в состоянии определить, где кончается «отнятие» и где начинается «возвращение».

А во-вторых, это даже и не существенно для меня. Отнимает ли адвокат собственность или возвращает ее, — все-таки он занимается ремеслом, к которому молодое поколение, взятое в смысле двигающей интеллигенции, должно относиться совершенно безразлично.

— Но ведь если гражданский суд существует, нельзя же его игнорировать, душа моя! Есть истцы, есть ответчики — не может же общество...

— Обойтись без адвокатов? — Совершенно верно. Общество нуждается в самых разнообразных профессиях, я это понимаю. Но ведь есть бесчисленное множество молодых сапожников, молодых слесарей, молодых золотарей, — и никому, однако ж, не приходит в голову сопричислить их к «молодому поколению»! А ежели говорить по совести, так, пожалуй, эти почтенные ремесленники имеют даже больше прав на это название, нежели адвокаты. Их мысль не изуверчена, в их действиях нет злобности. Если сапожник шьет тебе сапоги, то он

делает это без предвзятого намерения устроить у тебя на ногах мозоли, между тем как большинство адвокатов именно одну мозоль и имеет в виду.

— Как хочешь, но это парадокс, *mon cher!*⁴

— Очень возможно, но я того мнения, что слово «парадокс» глупые люди выдумали. Те люди, которым не по нутру истина и которые в то же время не знают, что возразить против нее. А, впрочем, парадокс так парадокс: меня, брат, жалкими словами не огорошишь! Постараемся быть еще парадоксальнее. Хочешь ли ты, например, знать, какое старинное ремесло напоминает мне ремесло современных русских адвокатов?

— Любопытно...

— Ремесло не помнящих родства бродяг. Эти люди никогда не могли определить себе заранее, где они проведут следующий час или, по крайней мере, следующую ночь. Так точно и современный русский адвокат: он никогда не может сказать, в каком вертепе проведет следующий час своей жизни, в вертепе ли «возвращения» или в вертепе «отнимания».

— И опять-таки парадокс! Блестящий... но парадокс!

Мой друг взглянул на меня, удивленными глазами и потянулся за шляпой.

— Блестящий... но парадокс! — передразнил он меня, — и откуда ты выражаться так научился! Ему дело говорят, а он: «блестящий... но парадокс!» И кто дал тебе право думать, что я желаю блистать перед тобой? Прощай.

— Постой! зачем уходить! Поговорим. Ты знаешь: *du choc des opinions...*⁵

— Оставь!

— Ну, хорошо, хорошо! не буду! Но согласишься, что и между адвокатами... ведь не все же чужую собственность... возвращают! Я знаю очень многих, которые даже к мысли о вознаграждении относятся без особенной страстности, а просто увлекаются тонкостями ремесла. Юридическая практика, душа моя, представляет такой разнообразный мир, который сам по себе может увлечь... право, даже независимо от вознаграждения!

— Ну?!

— Есть, братец, такие юридические вопросы, разрешение которых даже в общечеловеческом смысле далеко не бесполезно. Например, представь себе, что я обещал тебе подарить что-нибудь — что означает это действие? Представляет ли оно обязательство или только обольщение? В законах-то, брат, на этот счет бабушка надвое сказала, а между тем для человечества... Как же тут не увлечься... даже помимо мысли о предстоящем вознаграждении?

— А я, стало быть, должен разыгрывать роль *anima vilis*,⁶ на которой ты будешь упражнять свою юридическую любознательность? Прощай.

— Да постой же. Ну, пожалуй, уступаю тебе адвокатов. Коли хочешь, уступлю еще и бюрократов...

— Слава богу! еще на двугривенный уступил!

— Ну, да, уступаю тебе и адвокатов, и бюрократов! *Que diable!*⁷ В самом деле, какое же это «молодое поколение»? Какуюдвигающую мысль они собой представляют! Одни исполняют предначертания начальства, другие находят более выгодным исполнять предначертания своих клиентов! Да, я согласен: тут даже интеллигенции нет никакой! Но что ты скажешь, например, о наших земских деятелях?

— Это о тех, что ли, что в земских-то собраниях гудят?

— Гудят? — опять-таки резкое выражение, и ничего больше. Гудят или не гудят — это ведь безразлично, мой друг! Для нас важно одно: сила это или не сила?

— Сила... комариная!

— Комариная... позволь! Но ведь и комар иногда может... вспомни-ка басню о комаре и льве!

— Так ведь тот комар умный был! он в самую мякоть залез! а наши земские комары и места-то такие излюбили, откуда их всего удобнее смахнуть можно! Смахнул — и нет его! Да и какое это «молодое поколение»! Я, брат, прошлым летом в «своих местах» был, так на земское собрание взглянуть любопытствовал: все подряд сивое мериньё сидит.

— Ну, вот видишь! как же тебе не сказать, что ты парадоксы говоришь! Сивое мериньё!.. Но разве у стариков не могут быть молодые мысли?

Но Глумов даже не ответил на мой вопрос. Он ходил взад и вперед по кабинету, хмуря брови и что-то вполголоса напевая. По временам он останавливался против меня, вперял в меня мутно-сосредоточенный взгляд и как бы машинально произносил:

— Душка!

Однако я далеко не сознавал себя побежденным. Мне даже показалось несколько обидным, что он так легко относится к моим мнениям. Душка! что это за слово! разве это опровержение! И я пустил ему в упор:

— Так и земские деятели не угодили тебе! Отлично! Люди, которые так охотно сами себя облагают сборами... которые так смело выразились по вопросу о всеобщей воинской повинности... Это не интеллигенция! И не забудь, что, независимо от сейчас названных вопросов, у них на плечах все мосты и перевозы! И это не интеллигенция... прекрасно! Что же ты после этого скажешь о нашей новой литературе? Надеюсь...

— Надейся!

— Душа моя, это не ответ! Если ты хочешь диспутировать, то диспутируй серьезно! Прежде всего надо уважать мнения своего противника!

— Хорошо. Хоть я и не согласен насчет «уважения» (ведь уважение достается само собой, а не предписывается), но пусть на этот раз будет по-твоему. Давай диспутировать. Хочешь ли ты знать, что такое твоя новая литература?

— Желая знать.

— Изволь. Это средней руки кокотка, которая утратила даже сознание, что женщине легкого поведения больше, нежели всякой другой, необходимо соблюдать опрятность.

— Ого-го!

— Ты не думай, однако ж, что я говорю это в видах защиты старой литературы нашей. Я знаю, что литература у нас во все времена занималась гимнастикой недомолвок и изнурительным переливанием из пустого в порожнее. Но у старой литературы была известная опрятность, без которой податливая женщина делается просто отвратительной. Она умела вовремя остановиться, умела видеть в читателе честного человека. А нынче даже руководящий принцип опрятности утратил свою обязательность.

— И опять-таки пара... — заикнулся было я, но, вспомнив, что употребление слова «парадокс» строжайше воспрещено, продолжал: — Подумай, однако ж,

мой друг! не отзывается ли такой взгляд на нашу новую литературу слишком исключительным ригоризмом? Воля твоя, а это ригоризм!

— И «парадокс», и «ригоризм» — два родные братца. Впрочем, это я только к слову, и если ты окончательно не можешь без того обойтись, то, сделай милость, уснащай свою речь ригоризмами, парадоксами и вообще всеми пустопорожными выражениями, которыми так богат пенкоснимательный лексикон. Затем прошу тебя понять мою мысль. Я сам не шепетилен, и ежели мне приходится выбирать между славословием и сквернословием — я всегда предпочту последнее. Что делать? таков, братец, дух русского языка! Сквернословие образнее, а образность — слабость моя. Поэтому я не о внешней опрятности говорю, которая может нравиться и не нравиться, но которая ни в каком случае не задевает внутреннего человека. Я говорю о той внутренней опрятности, которая заставляет человека если не бороться с нечистоплотными мыслями, то, по крайней мере, не так свободно выбалтываться!

— Примеров, душа моя, примеров!

— Примеров? а какой афоризм выработала новейшая русская литература в качестве руководящего жизненного принципа? — этот афоризм: «Наше время — не время широких задач». Разве это не довольно погано? С каким словом обращалась литература к нашему «молодому поколению»?..

— Вот видишь, ты, стало быть, сам признаешь, что у нас есть молодое поколение? — перебил я.

— Было, да сплыло... но не перебивай, об этом речь еще впереди... Итак: с каким словом обращалась литература к «молодому поколению»? с словом глумления и много-много с словом дряблого соболезнавания! Укажи мне на то увлечение, которое не было бы в нашей литературе забрызгано грязью и не возведено в квадрат! Скажи, когда в другое время литература, сколько-нибудь опрятная, позволила бы себе остановиться на мысли, что жизнь есть непрерывная игра в бирюльки, и кто больше бирюлек вытащит, тот больше и заслужит перед любезным отечеством! «Наше время — не время широких задач!» И это говорится в такую минуту, когда ни широким, ни каким задачам доступа в литературу нет! Растолкуй, что это такое: отупелость, подвливание или просто глупость?

— Но ведь нельзя же, черт побери, запрещать людям высказывать свои убеждения! Если мое убеждение таково, что наше время — не время широких задач, то почему же я, из-за каких-то ложных опасений, стану воздерживаться и насиловать себя?

— Да по тому же закону приличия, по которому ты воздерживаешься от некоторых естественных отправлений в публичных местах. Но если таково твое убеждение...

— Постой. Я совсем не говорю, что это мое убеждение. Напротив, я сам всегда говорил, что приведенная тобой фраза чересчур уже решительна. Я сознаю, что можно бы и другую форму употребить... а пожалуй, даже и никакой формы не употреблять... Но ведь ежели отбросить форму, ежели взглянуть только на сущность... согласись, *qu'au fond il y a du vrai dans tout ceci!*⁸

Но он опять оставил мое возражение без ответа и молча ходил по кабинету, так что я имел нелепый вид человека, говорящего «мысли вслух», адресуемые в пространство. Может быть, его рассердила моя заключительная французская фраза. Он всегда говорил мне, что я с своими французскими фразами, пересы-

паннами «парадоксами», «ригоризмами» и проч., представляю счастливое сочетание кокодеса и пенкоснимателя. Как бы то ни было, но через минуту после того он вновь остановился против меня, вперил в меня не то беспредметный, не то лукавый взгляд и, ушипнув меня за обе щеки (что делать! ради старого товарищества я даже эту фамильярность прощаю ему), произнес:

— Душка!

Потом, проскакав на одной ножке из одного конца в другой (что было в нем признаком редкого прилива веселости), подпевал:

Ах! не могу я не сознаться!

Но и признаться не могу!

— В этих словах вся суть современной русской литературы! — сказал он, обращаясь ко мне. — Тут есть все: и малодушие, исправленное малоумием, и малоумие, ищущее для себя смягчающих обстоятельств в малодушии!

— Но разве ты не знаешь условий нашей литературы! Разве не ужаснейшее это положение: надобно говорить, а говорить нельзя!

— Или, другими словами: хоть тресни, а говори! Прекрасно. Но в таком случае будь же опрятен. Не забегай, не заискивай! Не гаркай во все горло афоризмов, которые ничего, даже сострадания в литературных меценатах, возбудить не могут!

— Согласись, однако ж, что при необходимости говорить ежедневно не мудрено и провраться!

— У кого есть в голове царь, кто выработал себе известный взгляд на общность жизненных явлений, тот таким капитальным образом не проверется. Но довольно об литературе. Резюмируем наш спор. Из трех образчиков современного молодого поколения, на которые ты указал, одни занимаются отниманием чужой собственности, другие представляют собой принцип бессодержательного гудения и комариной силы, третьи, наконец, провозглашают: не торопитесь! ждите разъяснений! наше время — не время широких задач! Где же молодое-то поколение?

На этот раз задумался и я. Во мне происходила борьба. С одной стороны, слова этого лишенного упований человека действовали на меня заразительно; с другой — я никак не мог победить в себе мысли: как же это так? каждый день я гуляю по Невскому и вижу пропасть молодых людей всевозможных оружий, — и вдруг вопрос: куда девалось наше молодое поколение?

— Душа моя! — сказал я тоскливо, — да сообрази же ты, сделай милость! ведь если бы не существовало молодого поколения, не прекратился ли бы человеческий род?!

— Чудак! разве я в жеребьячем смысле с тобой говорю! — ответил он мне с нетерпением, — я ведь знаю, что в производителях нигде никогда недостатка не бывало!

Опять горькое сомнение! ужели вся эта молодежь, гремящая саблями о трюары, наполняющая воплями наши суды, изливающая на всю Россию поток циркуляров, увлекающаяся вопросами о дарении, об единоутробии, об истинных признаках взлома, произносящая в земских собраниях угнетающие речи о неизбежности мостов и переправ, добросовестно пережевывающая в литературе вопросы о необходимости ожидать дальнейших разъяснений, — ужели все это только производители, способные лишь на то, чтобы производить других таких

же производителей?

Если это так, если Глумов говорит правду, то что же ожидает нас впереди? Не должна ли, при подобных условиях, самая история прекратить течение? Положим, что наше, то есть ныне действующее молодое поколение — отпетое; допустим, что за него, в смысле двигающей силы, нельзя дать полгроша, — но в таком случае как же мы живем? Вопросы о неизбежности мостов и перевозов, о необходимости ожидать разъяснений — все это вопросы бесспорно полезные, но разве ими человечество живет и движется, разве они составляют содержание истории? Должна же быть где-нибудь эта необходимая двигающая сила! Быть может, она скрывается в школах; быть может, разьединенная, но умудренная опытом, она продолжает дело движения, изменив лишь обстановку его и набросив на него до поры до времени пелену непроницаемости?

— Есть у нас, наконец, целый мир учащихся! — рискнул заметить я.

— Да, есть; есть учащие, должны быть и учащиеся.

— Неужели же ты и их не причисляешь к молодому поколению?

— Вот видишь ли, любезный друг! я имею привычку говорить только о том, что доподлинно знаю, а разве можно что-нибудь знать об учащихся! Учащееся поколение находится вне арены исторической жизни; в массе это материал, на котором так или иначе может отразиться дух современности, но не агент этого духа. Взгляни на каплунов-пенкоснимателей современной литературы! ведь и они были когда-то учащимся поколением и даже, пожалуй, горели энтузиазмом к Грановскому — а что из них вышло!

— Но если я не ошибаюсь, наша литература именно в учащихся и видела «молодое поколение», когда указывала на некоторые особенности современной русской жизни?

— Да ведь это, братец, делалось для того, чтоб смешнее вышло. В последнее время наша литература поставила себе совершенно новую задачу: изобразить в смешном виде все цели, к которым стремилась передовая мысль. Каким образом достичь этого? заставить начальника отделения рассуждать «о пище» по Молешотту и «о происхождении видов» по Дарвину — пожалуй, выйдет и смешно, но смех над такими «особами» нежелателен. Заставить действительного представителя молодого поколения о тех же предметах беседовать — того гляди, не будет смешно. Стало быть, лучше всего взять подростка и предоставить ему изъяснять своим родителям, что они от обезьяны происходят. И пронзительно, и смешно. Ведь я же говорил тебе, что новейшая русская литература есть средней руки кокотка, которая позабыла, что для нее прежде всего обязателен закон чистоплотности!

— Однако нельзя же предполагать, чтобы литература так нагло лгала. Вероятно, было же нечто подобное, если даже наша нечуткая литература о том засвидетельствовала?

— Еще бы не было! Дело детское. Но ведь подобные факты доказывают только одно: что в обществе в данный момент господствует известное направление. Если в обществе царствует вкус к военным упражнениям — дети маршируют, играют в солдатики и бьют в барабаны; если общество озабочено только ограждением общественной безопасности — дети фискалят, наушничают и т. п.; если в общество проникает стремление проверить авторитеты, дотоле руководившие им, — дети начинают объяснять родителям, что они происходят от